

Лин Цзыхань легко пожал плечами: «Я не против, если вы отнесётесь к этому со всей серьёзностью. Я же буду просто гостем на свадьбе — приду и всё».

Лин И, видя, как лицо Тун Юэ становится всё мрачнее, вмешался с улыбкой: «Сяо Юэ, Цзыхань прав. На улице метель, да и время позднее. Куда ты собрался? Останься».

Лин Цзыхань хихикнул и направился наверх: «Тогда я пойду отдыхать, вы тоже не засиживайтесь. Спокойной ночи, дядя Тун. Спокойной ночи, папа».

«Спокойной ночи», — сказали хором Лин И и Тун Юэ.

Эту ночь Лин Цзыхань проспал прекрасно. Он был уверен, что Лин И и Тун Юэ тоже поладили.

Размышляя об этом, он поднял глаза на Чжао Сяолань, которая вязала, поглядывая на телевизор, и спросил между делом: «Сколько месяцев?»

Чжао Сяолань на мгновение застыла, затем улыбнулась: «Четыре с половиной».

«А когда рожать?»

«Врач сказал — в конце мая».

Лин Цзыхань кивнул.

Хотя искусственные системы вынашивания уже существовали, большинство простых людей не желали платить за них, да и многие, воспитанные в традициях, не могли такое принять, предпочитая естественную беременность и роды. Однако для Лин Цзыханя это был первый раз, когда он видел беременную женщину вживую, и ощущение было непривычным.

«А ребёнок шевелится?»

На лице Чжао Сяолань расцвела счастливая улыбка: «Шевелится».

Лин Цзыхань, поражённый, мог только улыбаться и кивать.

Чжао Сяолань лениво подняла почти готовый маленький свитер и развернула его: «Брат Лин, как вам? Красиво?»

Это был комбинезон из розово-голубой и молочно-белой пряжи, который покрывал бы малыша с головы до пят. Лин Цзыхань не удержался от восхищённого вздоха: «Руки у вас золотые. Очень красиво».

Чжао Сяолань сладко улыбнулась, явно гордясь собой, и снова принялась за вязание.

«Цвета для мальчика выбрали?» — спросил Лин Цзыхань мимоходом.

«Ага, этот — для мальчика. Следующий свяжу розовенький, — хихикнула Чжао Сяолань. — Я справедливая».

Лин Цзыхань тоже рассмеялся: «А сами кого хотите — мальчика или девочку?»

«Всё равно, — бодро ответила Чжао Сяолань. — И мальчик, и девочка хороши. Мы с мужем будем рады любому».

Лин Цзыхань кивнул.

Чжао Сяолань вдруг спросила: «А вы, брат Лин? Если бы у вас был ребёнок, кого бы вы хотели — мальчика или девочку?»

Это был первый раз, когда ему задавали такой вопрос. Лин Цзыхань слегка опешил, хорошенько подумал и наконец сказал: «Наверное, мальчика. Не очень понимаю, как общаться с девочками».

Чжао Сяолань нашла это забавным и подняла на него взгляд: «Неудивительно, что у вас до сих пор нет девушки».

Она выросла в глухом городке, получила самое что ни на есть традиционное воспитание и в голове у неё никогда не укладывалось понятие о гомосексуальности. Хотя она видела немало однополых пар и даже помогала друзьям Лин Цзыханя, таким же, как он, организовывать свадьбы, психологически принимая это, в обычных разговорах она всё равно мыслила категориями «парень» и «девushка», даже не задумываясь о другом.

Лин Цзыхань, конечно, хорошо понимал её мышление, потому лишь слегка улыбнулся и промолчал.

Чжао Сяолань редко его видела, а уж поболтать так запросто — и вовсе редкость. Потому она, не стесняясь, продолжила: «Вам, брат Лин, тоже о личном пора подумать. А то дядя Лин всё внуков ждёт, а дожидаться не может».

Лин Цзыхань не стал поддерживать тему и мягко перевёл разговор: «Самостоятельно вынашивать — тяжело?»

«Конечно, есть трудности, — внимание Чжао Сяолань тут же переключилось. — Но чувствовать, что твой ребёнок с самого начала с тобой, а не в какой-то холодной машине, — это же счастье».

Лин Цзыхань задумчиво кивнул.

Искусственное деторождение стало по-настоящему популярным лишь последние тридцать лет. Вначале люди боялись, что дети «из машины» будут иметь психологические или физические изъяны, и не решались на это. Даже Лин Цзыхань и Лэй Хунфэй родились естественным путём. Позже, когда первые «машинные» дети подросли, стало ясно, что они ничем не отличаются от остальных, и многие приняли этот метод, который быстро распространился. Сейчас по всему миру существуют огромные банки спермы и яйцеклеток для людей с репродуктивными проблемами или однополых пар, желающих иметь потомство.

Возможно, именно из-за того, что детей можно «производить» машиной, многие стали относиться к жизни с меньшим почтением.

Тут Чжао Сяолань вдруг вспомнила: «Кстати, брат Лин, Лэй звонил в последние дни. Говорит, будет в Пекине недели две. Если вернётесь — свяжитесь с ним».

«Ладно», — равнодушно отозвался Лин Цзыхань, допил суп и отнёс посуду на кухню.

Чжао Сяолань продолжила неспешно вязать и смотреть телевизор. Он поднялся на второй этаж и вернулся в свою комнату.

В комнате было тепло и очень светло. Он нажал кнопку на аудиосистеме, и пространство наполнили звуки негромкой, умиротворяющей музыки.

Подумав, он достал из шкафа толстый фотоальбом, устроился на широком подоконнике и начал перелистывать страницы.

Там были фотографии его матери, множество снимков родителей во время медового месяца, а затем — матери с ним самим.

Мама Лин Цзыханя не была коллегой отца. Она работала переводчицей в Госсовете, знала с десяток языков, была молодым лингвистом, очень красивой, с изысканной внешностью, жизнерадостной и мягкой. Лицом Лин Цзыхань пошёл в мать, а высокий и стройный стан унаследовал от отца. Языковые способности передались от матери, аналитический ум и решительность — от отца, а интеллект стал сплавом качеств обоих родителей. Поэтому он был не только очень красив, но и с детства проявлял недюжинные умственные способности — в три года уже мог поддерживать бытовой разговор на английском и французском, чем приводил в восторг тогдашнего министра государственной безопасности, восклицавшего: «Гений!».

Только вот в пять лет мамы не стало. Взрослые говорили, что она заболела, а потом однажды отец сказал, что её больше нет. Он не до конца понимал, что это значит, поэтому не плакал.

С тех пор он навсегда утратил возможность оплакать смерть матери.

Он медленно перелистывал страницы, всматриваясь в ясные, чёткие черты лица на фотографиях. Она всегда улыбалась — красивой, открытой, нежной, счастливой улыбкой, которая сопровождала Лин Цзыханя и помогала ему пережить долгие годы.

Такой же альбом был и в его доме в Хуэйлунгуане. Он сделал полную копию и хранил в обоих домах — так, на психологическом уровне, создавалось ощущение, что мать всегда с ним, и он не одинок.

Его пальцы медленно провели по лицу матери на фотографии. «Мама, — тихо сказал он про себя. — Я скоро буду с тобой. Ты встретишь меня?»

Весь остаток дня Лин Цзыхань провёл дома, не спеша перелистывая альбом, потом побродил в сети, посмотрел спортивные трансляции, послушал музыку — совершенно расслабившись.

Перед ужином Лин И, к удивлению, вернулся с работы вовремя. Тун Юэ, никогда раньше не переступавший порога дома Лин И, сегодня тоже заглянул после службы. Очевидно, оба они дорожили каждым мгновением, которое Лин Цзыхань проводил дома, и старались быть рядом.

Лин Цзыхань же, привыкший к одиночеству, чувствовал себя немного скованно.

Все трое были связаны с секретной работой, потому дома привыкли о ней не говорить. А кроме работы, они мало что знали о современных веяниях и трендах, так что темы для беседы быстро иссякали.

Чжао Сяолань тоже сидела за столом, но в присутствии Лин И и Тун Юэ боялась лишнее слово сказать.

Тем не менее, атмосфера была тихой и гармоничной. В доме Лин И уже очень давно не собиралось за столом столько людей, и Чжао Сяолань это искренне радовало.

Внезапно тишину разорвала мелодия звонка. Чжао Сяолань бросилась к телефону. «Алло?.. А, да, он вернулся... Вчера вечером... Да... Хорошо...» — её голос был мягким и учтивым. Затем она обернулась: «Брат Лин, это Лэй».

Лин Цзыхань поднялся, чтобы ответить.

Их видеотелефон был компактным. На экране размером с ладонь мелькали пёстрые блики, а в трубке слышались шум голосов и звуки экзотической музыки.

Лэй Хунфэй сиял во всю ширь лица: «Братан, ты как? Вчера вернулся, а весь день ни звонка!»

<http://bllate.org/book/16287/1468528>